

Пекарский Петр Петрович

Мистерии и старинный театр в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Петрович П.**
Мистерии и старинный театр в России / Пекарский Петр Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 95 с.

ISBN 978-5-521-27444-4

ISBN 978-5-521-27444-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МИСТЕРІИ
И
СТАРИННЫЙ ТЕАТРЪ
ВЪ РОССИИ.

СОЧИНЕНІЕ
П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВѢДЕНІЯМЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзemplаровъ. Санктпетербургъ. Марта 30 дня 1857 года.

Ценсоръ *И. Лажечниковъ*.

МИСТЕРІИ

И СТАРИННЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ РОССИИ (*).

(Глава изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія «Науки и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ».)

Ни одна отрасль поэзіи не представляетъ изслѣдователю такого обширнаго поля для историческихъ сравненій, какъ драматическая. Имѣя дѣло съ жизнію, и непосредственно вытекаая изъ нея, драма болѣе лирики и эпоса сохраняетъ въ себѣ слѣдовъ народныхъ взглядовъ и убѣжденій. Это весьма естественно, потому что драма въ основѣ своей непременно заключаетъ настоящее, и хотя содержание ея часто заимствовано изъ прошлаго, но оно какъ бы вновь оживаетъ на сценѣ и дѣлается современнымъ зрителю.

Драма находится въ родствѣ съ пластикою: и та, и другая, дѣйствуя на чувства, взаимно соприкасаются. Такъ въ Германіи XIV столѣтія, когда замѣтно развитіе драматическихъ представленій, стали являться книжки съ картинками; въ XV вѣкѣ тамъ уже было не въ обычаѣ, написавъ книгу, не приложить къ ней въ видѣ объясненія изображеній; для людей малограмотныхъ эти послѣднія замѣняли самый текстъ книги, и чѣмъ болѣе составлялось сочиненія для народнаго чтенія, тѣмъ болѣе замѣтно въ нихъ картинокъ.

(*) О мистеріяхъ въ Германіи и Польшѣ смотри: «Geschichte der Deutschen Dichtung», von Gervinus, «Pismenictwo polskie» Мухоморова, «Historia literatury polskiej», Вишневскаго.

Произведенія съ рѣзанными на деревѣ изображеніями, — предвѣстники печатныхъ книгъ, — имѣли въ виду, какъ потомъ и эти послѣднія, мистическія и благочестивыя сочиненія, находившія такой отличный пріемъ въ XV вѣкѣ, именно: легенды, календари, апокалипсисъ и т. п. Здѣсь изображенія играли главную роль, а текстъ состоялъ изъ коротенькихъ поясненій. [Все, что было выше чувствъ, старались представлять осязательнымъ, все духовное — вещественнымъ. Это направленіе вызвало аллегорію; отвлеченныя понятія добродѣтелей, также какъ грѣховъ и пороковъ, являлись подъ человѣческими лицами. Но этого было мало: изображеніе все еще не казалось достаточно живымъ, и потому-то часто къ нему прибавлялась надпись, выходящая изъ рта нарисованной фигуры и замѣнявшая недостатокъ слова.]

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такое время, въ самой церкви Западной Европы явилось стремленіе, посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ и церемоній объяснять таинства вѣры. [Не подлежитъ сомнѣнію, что драматическое искусство впервые обязано своимъ существованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ духовенству и монастырямъ. Ими была принята и усвоена драма, — но драма религіозная и чисто христіанская имѣвшая задачею укрѣпить умы зрителей въ истинахъ вѣры сдѣлать вѣрованія церкви доступными для большинства.] Съ теченіемъ времени, религіозныя представленія давались съ большею и большею пышностью и торжественностью, потребовалась помощь мірянъ и они стали принимать участіе въ подобныхъ драмахъ. Вскорѣ этотъ обычай до такой степени распространился, что папы и епископы сочли нужнымъ ограничить его, и съ этою цѣлью не разъ издавались строгія постановленія, запрещающія въ храмахъ зрѣлища, а также участіе въ нихъ духовныхъ лицъ. Но, не смотря на такія мѣры, духовныя власти должны были впослѣдствіи дѣлать уступки господствовавшему вкусу. Въ XIV вѣкѣ, во Франціи и Нидерландахъ, мистеріи представлялись уже публично, тогда же нѣчто подобное встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи. Въ XV вѣкѣ этотъ обычай распространился повсемѣстно и нигдѣ не встрѣчалъ осужденія.]

Въ Германіи исполненіе религіозныхъ пьесъ было предоставлено народу, ремесленникамъ и студентамъ; въ Англіи и Франціи въ драматическихъ представленіяхъ принимали участіе и высшіе классы общества; тамъ они исполнялись съ большею пышностью и, конечно, съ большими издержками. Въ послѣдней странѣ, мистерія рѣшительно сдѣлалась публичнымъ зрѣлищемъ, въ которомъ, при великолѣпной обстановкѣ и сложности машинъ, принимали участіе

и дворъ и дворянство. Любимымъ сюжетомъ представленій тамъ были чудеса Богородицы; скоро эти представленія совершенно отдѣлились отъ церковныхъ празднествъ и послужили переходомъ къ послѣдующему появленію свѣтскихъ пьесъ, написанныхъ по образцамъ древнихъ, и съ соблюденіемъ знаменитыхъ трехъ единствъ.

Отличительный характеръ старинныхъ западныхъ мистерій состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ сохранился богослужебный характеръ; притомъ, древнѣйшія писаны на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходила божественная служба (Ludus paschalis de passione Christi, ludus de nocte Paschali и пр.). Иногда мистеріи давались въ продолженіе двухъ, трехъ и даже семи дней. Въ позднѣйшихъ замѣтно болѣе искусства въ изложеніи, при чемъ исключены не нужные и не идущіе къ дѣлу эпизоды, а введены такіе, которые имѣли близкое отношеніе къ жизни. За тѣмъ являются сцены, заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта; отъ времени до времени, представленія новозавѣтной исторіи прерываются междудѣйствіями, въ которыхъ выводятся лица и приключенія изъ Ветхаго Завѣта. Такимъ образомъ, исторія Сусанны предшествуетъ событію изъ Новаго Завѣта, когда Христосъ прощаетъ раскаявшуюся блудницу; Давидъ и Голиафъ выводятся предъ входомъ Спасителя въ Іерусалимъ; за продажею Іосифа братьями слѣдуетъ предательство Іуды и т. д. Въ этихъ междудѣйствіяхъ и вводныхъ эпизодахъ по болѣшей части избирались такіе случаи изъ Ветхаго Завѣта, которые въ самихъ себѣ уже заключали единство драматическаго дѣйствія и характера, что приближало ихъ къ классической трагедіи. По этой-то причинѣ, сюжетами для мистерій всѣхъ европейскихъ народовъ были преимущественно приключенія Навуходоносора, Эсѣири и Амана и т. п.

Сначала въ мистеріяхъ не допускался комическій элементъ, но его присутствіе какъ бы предчувствуется въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ этого рода. Комизмъ, по существу своему, носитъ въ себѣ характеръ пластики. Тѣлесные недостатки, уродство и безобразіе—вотъ предметы, которые сама природа предоставила насмѣшкѣ. Передразниваніе этихъ недостатковъ, обезьянничаніе ихъ—составляетъ уже попытку ввести въ искусство комическій элементъ. Поэтому, демонъ старинныхъ мистерій можетъ считаться первообразомъ всѣхъ карикатуръ и смѣшныхъ изображеній послѣдующихъ временъ. Комизму, по самому свойству его, необходима разговорная форма: большая часть шутокъ, остротъ и мѣткихъ насмѣшекъ древнихъ и новыхъ писателей являются въ разговорахъ.

Германскія мистеріи, гдѣ замѣчается комическій элементъ, относятся къ XIV столѣтію. На западѣ, духовенство, для привлеченія толпы, допускало забавное и смѣшное даже въ свои процессіи, а это и было причиною, что образовались представленія, гдѣ серьезное смѣнялось забавнымъ и на оборотъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ каждомъ празднествѣ есть всегда и важное и комическое: ярмарка и притомъ какая нибудь торжественная церемонія, вмѣстѣ взятыя, представляютъ соединеніе серьезнаго празднества съ комическими антрактами. Нѣмецкое драматическое представленіе на Страстной недѣлѣ можетъ служить образчикомъ тому: торжественныя пѣснопѣнія смѣшаны въ немъ съ уличными сценами между купцомъ, женою его, слугою и торговками — и все это въ шутовскомъ родѣ; лица пребезобразныя, бранчивал жена дерется съ мужемъ и пр.

Въ сосѣдственной намъ Польшѣ, религіозныя драматическія представленія существовали уже въ XII вѣкѣ. И тамъ высшее духовенство, замѣтивъ излишества и крайности, старалось о прекращеніи подобныхъ зрѣлищъ, которыя, вмѣсто распространенія набожности и уваженія къ религіи, служили только къ упадку ея. Запрещенія, однако, не произвели желаемаго дѣйствія, а подали поводъ къ пріисканію другихъ мѣстъ, внѣ церкви, для театральныхъ зрѣлищъ. Драмы, въ родѣ страстей Христовыхъ, убіенія св. Іоанна Предтечи и т. п. продолжали даваться предъ народомъ, съ тою разницею, что это происходило не въ церквахъ, а въ школахъ и на кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія, были запрещены мистеріи, гдѣ преобладалъ комическій элементъ, и тогда-то онѣ, по польски носившія названія діалоговъ, нашли себѣ убѣжище въ стѣнахъ школъ. Уже въ XVI вѣкѣ онѣ были полурелигіозными, полусвѣтскими, и такими ихъ застали іезуиты, въ школахъ которыхъ діалоги удержались до окончательнаго уничтоженія ордена.

Старинныя польскіе діалоги писались или по греческимъ образцамъ, съ хорами, или, согласно обычаямъ средневѣковой Европы, съ интермедіями, или же, наконецъ, просто, безъ всякихъ добавокъ, состояли изъ разсужденій, изложенныхъ въ разговорной формѣ. Нѣкоторые изъ діалоговъ были оригинальные, другіе переводные, большая же часть передѣланные на польскіе нравы. Сатирическія стихотворенія Станислава Гроховскаго (въ концѣ XVI вѣка), писателя народнаго по преимуществу, породили множество подражателей и, между прочимъ, подали примѣръ введенію сатиры и въ драматическія представленія. Съ тѣхъ поръ, въ такъ называемыхъ интермедіяхъ (пролюдіяхъ, интерлюдіяхъ) стали являться лица и событія изъ современной жизни. Въ Польшѣ, также какъ и въ Гер-

маніи, серьёзные представленія смѣнялись шутивными: въ одной драмѣ, на Страстной недѣлѣ, послѣ самыхъ поразительныхъ сценъ, является дьяволъ и продаетъ веревку Іудѣ, совѣтуетъ ему удавиться и проч.

У каждаго народа были любимыя лица, постоянно показывавшіяся во всѣхъ комическихъ пьесахъ; съ теченіемъ времени они становились народными и ихъ названія дѣлались нарицательными именами пороковъ, недостатковъ или слабостей, которыми надѣлялись тѣ лица въ комедіяхъ. Такъ въ старинной итальянской комедіи часто попадаются три человека: добродушный отецъ, сынъ распутникъ и пройдоха слуга. Первый всегда былъ венеціанскій купецъ или законникъ изъ Болоньи и носилъ названіе Панталона. Изъ Бергама брали обыкновенно въ комедіи шутовъ, такъ какъ тамошніе уроженцы славились, какъ наши вятичи и пошехонцы, особенно неуклюжестью, и притомъ были не прочь и помошничать. Бригелла былъ плутоватый, а Арлекинъ простоватый слуга. Замѣчательно, что слѣды этихъ четырехъ лицъ сохранились и въ комедіяхъ Мольера.

У французовъ извѣстно подобное лицо подъ именемъ Jean Fagone, у Нѣмцевъ — Hapswurst. Въ польскихъ интермедіяхъ выводятся Альбертъ, канторъ (пѣвчій на крилосѣ), и Клеха (церковный сторожъ). Послѣдній заступалъ мѣсто итальянскаго арлекина, роль кантора соотвѣтствовала Бригеллѣ. Иногда показывались на сценѣ и панъ и деревенскій судья, у котораго, неизвѣстно почему, разумъ былъ *холопскій*, и рогатый нечистый, всегда измаранный грязью и съ мѣрой кипящей смолы (*). По временамъ выходилъ и Добрый духъ или Вѣра съ крестомъ въ рукахъ. Смерть одолѣвала человека, а душу его соблазнялъ, только напрасно, опять нечистый же. За послѣднимъ выступалъ колдунья, а изъ мифологіи Бахусъ съ Сатирами. Изъ другихъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе хвастунъ-путникъ и забіяка-солдатъ, также Слава, Добродѣтель, Сладострастіе. Глуноватая шляхта, любившая покутить, взяточникъ — бурмистръ, жидокъ, деревенщина изъ разныхъ мѣстъ, также бывали на сценѣ. Но всего чаще встрѣчаются въ польскихъ пьесахъ хвастуны пилигримы и разные пьянчужки...

Всѣ эти свѣдѣнія о европейскихъ мистеріяхъ и въ особенности

(*) Слѣдовательно, въ старинной польской комедіи нечистый представлялся такъ, какъ его воображалъ себѣ народъ въ Польшѣ и Малороссіи: одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Бурсака» Нарѣжнаго, чтобы разыграть роль чорта передъ дьячкомъ, вымарало себя грязью въ первой попавшейся лужѣ: усиліемъ такой несложной костюмировки былъ полный, и дьячекъ не усумнился ни на минуту въ присутствіи нечистой силы.

о польскихъ пьесахъ имѣють, какъ увидитъ читатель, значеніе и для русскаго театра.

Русскія старинныя драматическія представленія, если разсматривать ихъ только въ самихъ себѣ, не обращая вниманія на окружающую дѣйствительность, имѣють много сходства съ мистеріями и драмами средневѣковой Европы и старинной Польши. Но это сходство не можетъ привести изслѣдователя къ убѣжденію, что возникновеніе, успѣхи и преобразование театра были одинаковы, какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Разница, съ исторической точки зрѣнія, тотчасъ видна и въ началѣ и дальнѣйшей судьбѣ русской и европейской драмы. Крестовые походы и религіозный энтузіазмъ, овладѣвшій тогда западной Европой, не мало содѣйствовали введенію мистерій. Разказы крестоносцевъ, возвращавшихся отъ Святыхъ мѣстъ, повѣсти пилигримовъ, при всеобщей экзальтаціи, имѣли въ себѣ много драматическаго и, весьма вѣроятно, подали поводъ къ введенію при нихъ мистерій. Католическое духовенство никогда не упускало случаевъ пользоваться всѣми средствами увеличивать, подъ видомъ распространенія и прославленія религіи, свое собственное вліяніе на народъ и извлекать изъ того всѣ возможныя выгоды. Броженіе умовъ, особенная восторженность и наивная вѣра были отличительною чертою западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка; не удивительно, что духовенство всего болѣе старалось дѣйствовать на чувства, и осязательно представлять то, что для большинства въ религіи оставалось бы иначе темнымъ или неприимѣтнымъ. Если Польша не испытала въ такой степени, какъ остальная Европа, вліянія крестовыхъ походовъ, то въ замѣнъ она съ давнихъ временъ подвергалась вліянію католическаго духовенства. Припомнимъ только, какимъ важнымъ вліяніемъ пользовался въ этомъ государствѣ іезуитскій орденъ въ дѣлѣ просвѣщенія, во всѣхъ отрасляхъ знаній, даже до конца XVIII вѣка,—и намъ становится яснымъ, почему, славяне по происхожденію и, слѣдовательно, не склонные къ какому бы то ни было фанатизму по самой природѣ своей, поляки, однако, принимали сильное участіе въ религіозныхъ распряхъ и неурядицахъ, что было причиною многихъ несчастій для цѣлой страны.

Вліяніе духовенства отразилось и въ драматическихъ представленіяхъ старинной Польши. Высшее духовенство издавало запрещенія противъ нихъ, но они не были искоренены, напротивъ, поддерживались и въ церквахъ, и въ школахъ, потому что мѣстное духовенство и монашескіе ордена извлекали изъ того выгоду, привлекая народъ, вербуя себѣ жаркихъ приверженцевъ, увеличивая даже

число учащихся въ своихъ школахъ. Все это не могло имѣть мѣста въ Россіи. У насъ мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ матеріаловъ для исторіи кievскаго театра; но изъ исторіи тамошней Академіи извѣстно, что Петръ Могила, при учрежденіи русскихъ школъ, заимствовалъ распредѣленіе и порядокъ польскихъ учебныхъ заведеній, въ особенности Краковской Академіи. По этому-то учитель поэзіи *обязывался* въ Кіевѣ каждый годъ готовить для лѣтнихъ рекреаций драму, комедію или трагедію.

Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны, ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ польскими обычаями и даже литературой. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія на судьбу драматическаго искусства въ Россіи и полагаютъ разницу между нашимъ театромъ и европейскимъ. Но выше замѣчено, что драма стоитъ въ тѣсной связи съ жизнію и болѣе, нежели другія отрасли поэзіи, сохраняетъ въ себѣ отпечатокъ современной эпохи. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не выказаться и въ пересаженной къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзывается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какойнибудь намекъ или анахронизмъ напоминаютъ намъ, что писатель былъ малороссъ или жилъ въ Москвѣ,—все остальное чуждо и нашему быту и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ русской драмы,—если принимать въ расчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще,—продолжался весьма недолго. Въ извѣстной намъ мистеріи Дмитрія Ростовскаго, хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка, притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами. Въ началѣ семисотыхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ русской исторіи, въ ней описываются событія русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобъ обрусить, именуютъ Жериволами, Ярополками... Разборчивый изслѣдователь и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но здѣсь самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при тоглашнихъ схоластическихъ преданіяхъ и рутинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. ✱

Въ русской исторіи начала XVIII вѣка, всего болѣе поражаетъ могущество и сила воли одного человѣка: куда мы ни обратили бы

взглядъ, какой бы отрасли знаній не посвятили свое вниманіе, — вездѣ замѣтна желѣзная рука этого человѣка, вездѣ проявляется его сильный характеръ, его роковая энергія. Конечно, подвиги, гдѣ высказывается всего болѣе матеріальная сила, не могутъ возбуждать особеннаго сочувствія въ наше время, но въ дѣйствіяхъ Петра именно то и любопытно, что для него было недостаточно унижить непріятеля, разсѣять толпы непокорныхъ, заточить и погубить въ изгнаніи нераздѣлявшихъ его мнѣнія, — онъ старался даже самое мышленіе, умъ, духовныя силы націи подчинить своему вліянію, отчего и проявленіе ихъ зависѣло опять таки отъ его же воли. Подобное явленіе не можетъ не поражать и отдаленнаго отъ той эпохи изслѣдователя: иногда, противу воли своей, онъ останавливается именно на томъ, гдѣ замѣтно присутствіе, слѣды этой воли, гдѣ она нашла выраженіе себѣ. Разумѣется, не должно пропускать безъ вниманія и тѣ случаи, когда, несмотря на всю энергію воли, воля оставалась не исполненною, а это также могло быть потому, что человѣческому могуществу, какъ бы ни было оно велико, есть свои предѣлы, за которые переступить оно не имѣетъ возможности.

— Всѣ вообще произведенія науки и литературы въ Россіи при Петрѣ Великомъ, въ особенности тѣ, которыя были допущены невозбранно въ обращеніе въ публикѣ, т. е. печатныя, зависѣли въ большей или меньшей степени отъ воли правительства, сосредоточившагося въ лицѣ Государя, а потому писались и печатались съ изумительнымъ для нашего времени единствомъ мысли. Отъ молитвенника, написаннаго для солдата, до самыхъ сложныхъ государственныхъ учрежденій, отъ правилъ оружейныхъ пріемовъ до воинскаго устава, отъ шутовскихъ пировъ въ старинныхъ русскихъ платьяхъ и учрежденія особаго званія для боярина Стрѣшчева до самыхъ торжественныхъ обрядовъ, — однимъ словомъ, вездѣ и всюду сохранена гармонія, послѣдовательность, возможныя только тамъ, гдѣ работаетъ голова одного человѣка за всѣхъ, гдѣ субъективное я подчиняетъ себѣ все, къ чему бы оно ни прикоснулось.

Драма и комедія петровскихъ временъ, оставаясь, по формѣ, тѣмъ же, чѣмъ были онѣ и прежде, по содержанію своему имѣютъ близкое соотношеніе къ тогдашней дѣйствительности: театральныя представленія уже не ограничиваются событіями изъ священной исторіи; если эти послѣднія и падаютъ еще себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, или въ видѣ необходимой уступки прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVIII вѣка составляло прославленіе подвиговъ Государя, его счастливыя побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ непокорными и т. д., — но казалось мало для назиданія зрителей одного просла-